

DOI: 10.12731/2218-7405-2016-7-198-213

УДК 316.65+316.334:7

МЕНТАЛИТЕТ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ НАРОДА: К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ

Кулиш В.В.

Цель. Статья посвящена сопоставлению понятий «менталитет» и «историческая память» народа. Предметом анализа выступают сущностные характеристики менталитета и исторической памяти. Автор особое внимание уделяет изучению особенностей менталитета и исторической памяти народа, их взаимосвязи, а также понимания и интерпретаций в научной литературе.

Метод или методология проведения работы. Основу исследования образует логико-понятийный метод, включающий практику семантического, сравнительного анализа.

Результаты работы позволяют говорить о том, что менталитет и историческая память это разные по своему содержанию понятия, но тесно взаимосвязанные. Они изначально несут в себе коллективные начала и имеют общую природу возникновения – социальную, так как образованы в результате длительного взаимодействия социальных субъектов, прежде всего этносов. Менталитет и историческая память отражают обобщённую национально-культурную особенность народа и выступают главным его идентификатором, индикатором целостности и единства этноса. Менталитет включает в себя особенности мышления, традиций, обычаев, обрядов, стереотипов поведения, языка, символов, присущие тому или иному народу. Историческая память представляет собой способ существования всех структурных элементов культуры и является способом выражения и сохранения менталитета народа. Менталитет попадает в структуру неотрефлексированного человеческого опыта, а историческая память – отрефлексированный менталитет народа в конкретных исторических услови-

ях. Процесс формирования менталитета очень долгий, в то время как историческая память, более мобильна и представляет собой функциональное отражение менталитета народа на конкретных исторических этапах его формирования и развития. От правильного понимания, толкования и использования этих понятий не только в научной среде, но и в нормативно-правовой практике зависит успех в выработке государственных документов политико-идеологического характера.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в сфере социального прогнозирования и управления социальными системами.

Ключевые слова: *менталитет; историческая память; архетип; габитус.*

MINDSET AND HISTORICAL MEMORY OF NATION: CORRELATION OF THE CONCEPTS

Kulich V.V.

Goal of research. The article deals with correlation of the concepts “mindset” and “historical memory” of nation. The scope of research is essential characteristics of mindset and historical memory. The author devotes attention to researching of peculiarities of mindset and historical memory of nation, their connection, as also their understanding and interpretation in scientific literature.

Method and methodology of research. The research based on a logical and conceptual method, including semantic, comparative analysis.

Research results suggest that mindset and historical memory are different in content concepts, but they are closely interconnected. Initially they carry collective beginnings and have common character of origin – social, as they were developed as a result of long interaction of social subjects, especially ethnos. Mindset and historical memory reflect summarized national and cultural peculiarity of nation and serve as its principal identifier, indicator of entirety and unity of ethnos.

Mindset includes peculiarities of thinking, traditions, customs, ceremonies, behavioural stereotypes, language, symbols that are inherent to one or another nation. Historical memory is a mode of existence of all the structure elements of culture and as also a mode of expression and preservation of national mindset. Mindset comes into the structure of non-reflected human experience; historical memory comes into reflected national mindset within specific historical conditions. Forming a mindset is a very long process, whereas in contrast historical memory is more mobile and represents functional reflection of national mindset within specific historical periods of its formation and development. Success in developing state documents of political and ideological character depends on the insight, explanation and use of these concepts not only in scientific but in legal and regulatory practice as well.

Use of results. Research results can be used in social forecasting and management of social systems.

Keywords: *mindset; historical memory; archetype; habitus.*

В ходе общественных дискуссий и в размышлениях о государственных приоритетах в социокультурной динамике российского общества всё чаще затрагивается проблема единства, целостности и стабильности российского общества [6, 8, 11, 15, 18]. Формы и содержание дискуссий на эту тему нередко сопряжены с такими понятиями, как «менталитет» и «историческая память». Часто эти слова используются без определения. Нередки даже случаи приравнивания их в смысловом значении. Особенную актуальность эта проблема приобретает, когда эти понятия неправильно трактуются в современных российских школьных учебниках. Например, в учебнике по обществознанию за 11 класс (профильный уровень) под редакцией Л.Н. Боголюбова, А.Ю. Лазебниковой (издание 2011 года) понятие «национальный менталитет» сведено к понятию «историческая память»: «Иначе говоря, национальный менталитет – своего рода память о прошлом, обуславливающая поведение людей и помогающая им оставаться верными своим исторически сложившимся ценностям, традициям» [10, с. 82].

Методологически важно понять, как соотносятся понятия «менталитет» и «историческая память» т.е. попытаться разобраться в том насколько они равнозначны друг другу, взаимосвязаны, или это совершенно разные понятия. Решая данную исследовательскую задачу определения соотношения понятий «менталитет» и «историческая память», нужно определиться с их сущностью, понимания и интерпретаций в научной литературе. Достижение такой задачи затруднено многозначностью этих понятий в научной теории и практике, обилием и разнородностью существующих их определений.

Представляется важным использовать в качестве основного метода исследования – логико-понятийный, «связанный с идентификацией определенной концептуальной или денотативной сферы и соотносением этой сферы со средствами её выражения» [20] и включающий практику семантического, сравнительного анализа [2].

В начале, обратимся к определению сущности категории «менталитет». Впервые термин «менталитет» упоминается в работах Р. Эмерсона и М. Пруста. В это время под ментальностью понимали «...способы поведения, которые традиционно не принимались во внимание (и даже презирались) историей культуры: поведение первобытных людей, детей, а также «простецов», противостоящих «высоколобым творцам» [12]. В российскую науку и общественную жизнь термин «менталитет» основательно вошел лишь в начале 90-х гг. XX в. Довольно «сжатое» определение менталитета приводится в современных словарях и глоссариях. Например, в словаре С.И. Ожегова менталитет рассматривается как «мировосприятие, умонастроение» [17], в глоссарии «Социология в России» В.А. Ядова – как «образ мышления, мировосприятия, духовной настроенности» [23], в социологическом словаре под ред. Г.В. Осипова – как «исторически формирующийся образ мышления, в котором выражается специфика восприятия гражданами, этносом, всем обществом социальной (природной) действительности» [16]. Совершенно очевидно, что такое определение менталитета недостаточно для более конструктивного анализа его соотношения с такой категорией, как «историческая память».

Понятие «менталитет» чаще всего употребляется в российской философии и культурологии, и используется для обозначения характеристик национальных особенностей народов, особенностей культуры. Гершунский Б.С., обосновывая роль менталитета в системе ценностей и целей российского образования XXI в., указывает на методологические трудности в исследованиях ментальности социума, находящего свое материальное воплощение в культуре: «По существу, менталитет социума – производная от широко понимаемой культуры, хотя и сам менталитет порождает и изменяет культуру» [3, с. 133]. Менталитет проявляется, прежде всего, в фольклоре, народных верованиях, моральных нормах, а также в таких областях культуры, как искусство, философия. Трофимов В.К. определяет менталитет как эквивалент категории «социальный характер», а выражению «национальный характер», по его мнению, соответствует понятие «национальный менталитет». На уровне сущности национальный менталитет включает в себя устойчивые внутренние, глубинные, нередко потаенные представления, ценности, мыслительные и эмоциональные конструкции, свойственные тому или иному народу, а на уровне явления он представляет как внешнее обнаружение внутренних ментальных свойств народа в специфике организации социальной и политической жизни, а также в опредмеченных продуктах материальной и духовной культуры народов, несущих национальную окраску» [19, с. 60].

Шимица М.А. рассматривает менталитет как специфическую форму коллективного сознания, влияющую на оценку событий, где обнаруживается его связь с ценностными ориентациями и мировоззрением. Но, в отличие от последних, он обладает синкретическим характером, ибо менталитет шире по объему, а его основу составляют не рациональные, а бессознательные структуры [21]. На латентный характер менталитета указывается также в исследовании Нуждина Н.А.: «менталитет не присутствует открыто в сознании индивида, а находится в более глубоких пластах залегания, относясь скорее к подсознанию» [9]. Следовательно, несмотря на латентность менталитета, следует учитывать его связь со всеми компонентами общественной жизни.

Шумихина Л.А. [22], Пушкарев Л.Н. [11] считают, что более точно и полно передать смысл слова «менталитет» можно с помощью термина «духовный мир»: «Менталитет открыто проявляет себя в содержании сугубо духовных явлений в жизни общества: религии, нравственности, народном творчестве, национальном искусстве. Поэтому менталитет – это в первую очередь проблема своеобразия духовной жизни общества, его духовной культуры и компонентов этой культуры, во-первых, а также самобытности ее, во-вторых» [22].

Большинство представителей отечественной гуманитарной науки склонны употреблять дефиниции «ментальность» и «менталитет» как синонимичные, хотя в целом их синонимичное или раздельное использование не устоялось [15]. Ментальности выражают не столько индивидуальные установки каждого из людей, сколько внеличностную сторону общественного сознания. Субъектом ментальностей является не индивид, а социум. Они проявляются в словесном языке (вербальной культуре общества) и языке жестов, в поведении, обычаях, традициях и верованиях. Например, чертами русской ментальности являются – духовность, коллективизм (соборность), широта души [23]. Складываясь, формируясь, вырабатываясь исторически и генетически, менталитет представляет собой совокупность социально-политических качеств и черт, их органическую целостность, определяющую многие стороны жизнедеятельности данной общности людей.

Менталитет, в понимании Е.А. Ануфриева и Л.В. Лесной, – это обобщенное, социально-психологическое состояние субъекта (народа, нации, народности, социальной группы), сложившееся в результате исторически длительного и достаточно устойчивого воздействия естественно-географических, этнических, социально-политических и культурных условий проживания на субъект менталитета, возникающее на основе органической связи прошлого с настоящим [1].

Понятие менталитета близко по своему смыслу к такому понятию как архетип. Менталитет и архетип по своему содержанию погружены в бессознательный слой личности человека, однако между ними существует и глубокое различие. Оно связано с тем,

что если архетипы, как их понимал К. Юнг, это неизменные образы мира, унаследованные людьми от своих предков, и одинаковые у всех индивидов и социальных групп человечества, то менталитет более динамичен и имеет дифференцированный характер, поскольку различные социальные общности обладают неодинаковым менталитетом [21, 24]. Тем не менее, несмотря на столь существенное различие, содержание архетипа и менталитета во многом совпадает, поэтому в ряде случаев национальный менталитет исследуется через призму национальных архетипов [7].

Нельзя также обойти стороной рассмотрение ещё одного понятия, близкого по смыслу понятию «менталитет». Речь идет о теории габитуса, разработанной французским социологом П. Бурдьё [25]. Габитус – это «ментальные, или когнитивные структуры», посредством которых люди действуют в социальном мире [14, с. 459]. Обнаруживаемый в каждом индивиде габитус приобретает в ходе индивидуальной истории и является функцией отдельного момента в социальной истории, в котором габитус имеет место. Габитус позволяет людям осмыслять социальный мир, однако существование множества габитусов означает, что социальный мир и его структуры не производят одинаковое воздействие на разных акторов. Габитус просто «предлагает», что людям думать и какие поступки выбирать. Он функционирует «ниже уровня сознания и языка, вне зоны, доступной интроспективному исследованию и волевому контролю» [14, с. 460]. При том, что мы не осознаем габитус и его действие, он проявляется в наших самых практических поступках, например, в том, как мы едим, ходим, говорим и даже сморкаемся. В отличие от менталитета, габитус представляет собой систему прочных приобретенных предрасположенностей (диспозиций), которые производятся объективной структурированной социальной средой. Габитус формируется постепенно и поэтапно, в процессе социализации личности. Он приобретает в результате длительного занятия определенным положением в социальном мире. В то же время, габитус, как и менталитет, представляют собой «продукт истории», который производит индивидуальные и

коллективные практики позволяющие объяснить социальный мир, взятый как в его историческом, так и актуальном срезе, с точки зрения упорядоченности происходящих в нем процессов.

Таким образом, обобщая результаты теоретико-методологического анализа подходов к определению сущности понятия «менталитет», отметим, что менталитет – это обобщенная, социально-психологическая характеристика субъекта (народа, нации, народности, социальной группы), особый духовный универсум, который включает в себя латентные умственные и психические установки, характеризующие склад (манеру) мышления, и отражающий устойчивые эмоциональные и рациональные стандарты и стереотипы восприятия действительности. Это бессознательная (латентная), глубинная структура, которая предопределяет поведенческие реакции социальной, этнической группы, индивида и общества в целом.

Сущность понятия «историческая память» наиболее полно раскрывается, на наш взгляд. С помощью социологического подхода. Анализ содержания понятия «историческая память» с позиции системного и структурно-функционального подходов к объяснению социальных процессов в социологии; социологических и культурологических концепций социальных изменений; социологической концепция жизненных сил человека и общества; теории конструирования социальной реальности; теории социальной инерции; социально-философских теорий сознания и памяти; психологических теорий памяти, позволяет определить сущность исторической памяти как социального явления [4].

Историческая память – системообразующий элемент общественного сознания с присущим ему механизмом запечатления, хранения, воспроизводства социокультурной информации и представленный в виде системы передаваемых из поколения в поколение традиций, обычаев, обрядов, знаний, ценностей, стереотипов поведения, норм, символов, обеспечивающих актуализацию традиционных форм жизнеосуществления социальных субъектов и определение характера инновационного развития всех сфер жизнедеятельности отдельного человека и всего общества [6].

Комплексный теоретический анализ показывает, что историческая память как социальный феномен обладает следующими характеристиками. Историческая память социально направлена и социально обусловлена, избирательна, носит процессуальный и системообразующий характер, информативна и воспроизводима, ритмична, циклична, традиционна и инновационна, инерционна, культуродетерминирована и культуроориентирована, полисубъектна, полифункциональна, структурирована и многоаспектна [4].

Структура исторической памяти представлена во взаимосвязи фундаментального и операционального уровней. К *фундаментальному* уровню относятся традиции, обычаи, обряды, закрепляющие более устойчивые, статичные формы индивидуальной и коллективной социальной деятельности. *Операциональный* уровень включает знания, ценности, нормы, символы, отражающие преимущественно изменчивый, динамичный характер исторической памяти [6].

Историческая память полифункциональна. Выделяются базовые и производные функции исторической памяти [5]. Базовые функции представляют аккумулированный предшествующими поколениями исторический опыт и проявляются в реализации фундаментального уровня содержания исторической памяти (традиций, обычаев, обрядов). К *базовым функциям* относится функция преемственности поколений, функция рефлексии современности, социально идентификационная функция, функция сохранения жизненных сил культуры, идеологическая функция. В производных функциях исторической памяти отражен приобретенный молодым поколением собственный социально-исторический опыт. Эти функции реализуются в развитии и сохранении элементов операционального уровня исторической памяти (знаний, оценок, стереотипов поведения, ценностей, норм, символов). К *производным функциям* относится функция выбора жизненных стратегий, прогностическая функция, функция стереотипизации, политическая функция.

Таким образом, анализ исторической памяти с позиции социологического подхода позволяет рассматривать ее не как «застывший» социальный феномен, а как сложное, динамично развивающееся явление, отражающее систему социальных связей в обще-

стве, которая обеспечивает его историко-культурную преемственность и наследование из поколения в поколение.

Определение сущности понятий «менталитет» и «историческая память» даёт возможность подвести небольшой итог раскрытию содержания этих понятий.

Менталитет и историческая память народа имеют как общие, схожие характеристики, так и отличительные. Общими являются следующие характеристики:

- прежде всего, менталитет и историческая память являются важной характеристикой культуры. Они отражают обобщённую национально-культурную особенность народа. Менталитет включает в себя особенности мышления, традиций, обычаев, обрядов, стереотипов поведения, языка, символов, присущие тому или иному народу. Историческая память обуславливает появление элементов культуры (знаний, ценностей, стереотипов поведения, оценок, традиций, обычаев) той или иной социальной общности, личности. Можно утверждать, что она представляет собой не только способ существования всех структурных элементов культуры, но и способ выражения и сохранения менталитета народа;
- изначально несут в себе коллективные начала, и воспроизводят из поколения в поколение весь накопленный человечеством опыт;
- ментальность и историческая память исторически изменчивы.

Отличительные характеристики менталитета и исторической памяти народа проявляются в следующем:

- несмотря на их изменчивость, заметим, что темпы изменений менталитета и исторической памяти разные. Так, процесс формирования менталитета очень долгий. Например, русская ментальность формировалась четыре столетия, и её трансформационные процессы идут значительно медленнее [15]. Историческая память более мобильна. Её важной отличительной чертой является функциональность, которая указывает на характеристику, состояние исторической памяти социальных субъектов в конкретных

социально-исторических пространственно-временных условиях. *Функционирование исторической памяти* – это социальный процесс проявления функций исторической памяти, системно обеспечивающих воспроизводство (актуализацию) традиционных форм жизнедеятельности в сознании и поведении отдельной личности, социальных общностей, общества в целом и определения характера инновационного развития всех сфер жизнедеятельности отдельного человека и всего общества [6].

На мобильность исторической памяти указывает и то, что она обладает свойствами цикличности и ритмичности. Ж.Т. Тощенко отмечает: «...историческая память в условиях коренных общественных сдвигов имеет тенденцию к оживлению своей роли в духовном потенциале, как отдельного человека, так и народа в целом» [18]. В спокойном и возбужденном состоянии общества степень функционирования исторической памяти различна. Например, следствием трансформационных процессов в российском обществе в 1990-е годы явился повышенный интерес к историческому прошлому. В условиях кризиса заметно обостряется самосознание народа, основой формирования и развития которого служит память. Исходя из этого, можно сказать, что историческая память – функциональное отражение менталитета народа на конкретных исторических этапах его формирования и развития;

– ментальные установки не подвержены рефлексии. Они не обрабатываются на сознательном уровне и в результате чего остаются практически неизменными на протяжении достаточно долгого времени. Менталитет попадает в структуру неотрефлектированного человеческого опыта, он «молчалив» и проявляется в повседневной деятельности людей, а не в их речи или каких-либо ясных представлениях. В отличие от менталитета, историческая память рефлексивна и выполняет функцию рефлексии современности. Она избирательна в конкретный момент времени, что обусловлено социальными причинами и индивидуально-личностными мотивами. В исторической памяти актуализируется далеко не все из того, что знает человек об истории своего народа и о своем собственном

прошлом, а лишь то, что у него вызывает эмоциональный отклик, подкрепляя оценки дня сегодняшнего: «В той или иной степени суждения о прошлом окрашены в тона мировоззренческих или идеологических предпочтений; конфессиональной принадлежности; сочувствия тем или иным социальным доктринам и политическим теориям, приверженности определенным теориям развития общества... Образ прошлого – это всегда, хотим мы того или нет, отражение наших интересов... Процесс запоминания не является механическим: хранится в памяти и передаётся потомкам та информация, которую считают важной и достоверной, а, как показывает изучение исторических сочинений, критерии достоверности были разными в разных обществах» [13, с. 378]. Следовательно, историческая память представляет отрефлексируемый менталитет народа в конкретных исторических условиях.

Таким образом, менталитет и историческая память это разные по своему содержанию понятия, но тесно взаимосвязанные. Они изначально несут в себе коллективные начала и имеют общую природу возникновения – социальную, так как образованы в результате длительного взаимодействия социальных субъектов, прежде всего этносов. Они выступают главным индикатором целостности, единства всего народа, его идентификатором. От правильного понимания, толкования и использования этих понятий не только в научной среде, но и в нормативно-правовой практике зависит успех в выработке государственных документов политико-идеологического характера. Речь идёт в первую очередь о «стратегиях», «доктринах», «концепциях», «основах политики», где менталитет и историческая память прописываются как фундаментальные, ключевые понятия.

Список литературы

1. Ануфриев Е.А. Российский менталитет как социально-политический и духовный феномен // Социально-политический журнал. 1997. № 3. С. 16–27.
2. Вишневецкий Ю.Р., Ружа В.А. Семантическое пространство понятия «патриотизм» в массовом сознании // Современное российское

- студенчество: историческая память о Великой Отечественной войне и формирование патриотизма и гражданственности / Под общей ред. Ю.Р. Вишневого. Екатеринбург: УрФУ, 2011. С. 69–89.
3. Гершунский Б.С. Философия образования для XXI века. М.: Совершенство, 1998. 608 с.
 4. Кулиш В.В. К характеристике исторической памяти учащейся молодежи // Образование и общество. 2008. № 3 (50). С. 42–46.
 5. Кулиш В.В. Особенности функционирования исторической памяти учащейся молодежи // Образование и общество. 2011. № 1 (66). С. 67–72.
 6. Кулиш В.В., Матвеева Н.А. Функционирование исторической памяти учащейся молодежи: монография. Барнаул: АлтГПА, 2014. 134 с.
 7. Культурология: учебное пособие для студентов вузов. Ростов н/Д., 1995. С. 395–411.
 8. Молотков М.Б. Российский менталитет и возможность парадигмального выбора России // Проблемы обществоведения: тез. межвуз. конф. аспирантов и соискателей (11 декабря 2002 г.). Красноярск, 2002. С. 87–93.
 9. Нуждин Н.А. Менталитет человека как объект философского анализа [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://egpu.ru/lib/elib/Data/Content/128275704792360049/Default.aspx>
 10. Обществознание. 11 класс: учеб. для общеобразовательных учреждений: профил. уровень / под ред. Л.Н. Боголюбова. М.: Просвещение, 2011. 432 с.
 11. Пушкарев Л. Н. Что такое менталитет? Историографические заметки // Отечественная история. 1995. №3. С. 158–166.
 12. Редель А. И. Российский менталитет к социологическому дискурсу // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 109–118.
 13. Репина Л.П. Историческое сознание и историческая память // Современное российское студенчество: историческая память о Великой Отечественной войне и формирование патриотизма и гражданственности / Под общей ред. Ю.Р. Вишневого. Екатеринбург: УрФУ, 2011. С. 375–386.
 14. Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб.: Питер, 2002. 688 с.

15. Российская ментальность и вызовы времени [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://liberal.ru/articles/5658>
16. Социологический словарь / Отв. ред. Г.В. Осипов. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. 608 с.
17. Толковый словарь С.И. Ожегова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://enc-dic.com/ozhegov/Mentalitet-15488.html>
18. Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3–14.
19. Трофимов В.К. Менталитет русской нации: учебное пособие / В.К. Трофимов. Ижевск, 2004. 271 с.
20. Шафиков С. . Теория семантического поля и компонентной семантики его единиц / Науч. ред. Л. М. Васильев. Уфа, 1999. 88 с.
21. Шимица М.А. Менталитет как социологическая категория // Современное российское студенчество: историческая память о Великой Отечественной войне и формирование патриотизма и гражданственности / Под общей ред. Ю.Р. Вишневого. Екатеринбург: УрФУ, 2011. С. 490–495.
22. Шумихина Л.А. Духовность как способ человеческого бытия // Полигнозис. 1999. №4. С. 117–131.
23. Ядов В.А. Социология в России. М.: Издательство Института социологии РАН, 1998. 696 с.
24. Юнг К.Г. Об архетипах коллективного бессознательного / К.Г. Юнг // Архетип и символ. М., 1991. С. 97–128.
25. Bourdieu P. La Distinction: critique sociale du jugement / P. Bourdieu. Paris : Minuit, 1980. 287 p.
26. Halbwachs M. La memoire collective / M. Halbwachs. Paris : Michel, 1997. 295 p.

References

1. Anufriev E. A. *Sotsial'no-politicheskiy zhurnal*. 1997. № 3, pp. 16–27.
2. Vishnevskiy Yu. R., Ruzha V.A. *Sovremennoe rossiyskoe studenchestvo: istoricheskaya pamyat' o Velikoy Otechestvennoy voyne i formirovanie patriotizma i grazhdanstvennosti* [Modern Russian students: the historical

- memory of the Great Patriotic War and the formation of patriotism and citizenship] / Yu. R. Vishnevsky (ed.). Ekaterinburg: UrFU, 2011, pp. 69–89.
3. Gershunskiy B.S. *Filosofiya obrazovaniya dlya XXI veka* [Philosophy of Education for the XXI century]. M.: Sovshchenstvo, 1998. 608 p.
 4. Kulish V.V. *Obrazovanie i obshchestvo*. 2008. № 3 (50), pp. 42–46.
 5. Kulish V.V. *Obrazovanie i obshchestvo*. 2011. № 1 (66), pp. 67–72
 6. Kulish V.V., Matveeva N.A. *Funktsionirovanie istoricheskoy pamyati uchashcheyasya molodezhi* [Functioning of the historical memory of students]. Barnaul: AltGPA, 2014. 134 p.
 7. *Kul'turologiya* [Cultural]. Rostov n/D., 1995, pp. 395–411.
 8. Molotkov M. B. *Problemy obshchestvovedeniya: tez. mezhvuz. konf. aspirantov i soiskateley (11 dekabrya 2002 g.)* [Problems of social science: mes. Intercollege. Conf. graduate students and applicants (11 December 2002)]. Krasnoyarsk, 2002, pp. 87–93.
 9. Nuzhdin N.A. *Mentalitet cheloveka kak ob'ekt filosofskogo analiza* [The mentality of the person as an object of philosophical analysis]. <http://egpu.ru/lib/elib/Data/Content/128275704792360049/Default.aspx>
 10. *Obshchestvoznaniye. 11 klass* [Social. Grade 11] / L.N. Bogolyubov (ed.). M.: Prosveshchenie, 2011. 432 p.
 11. Pushkarev L. N. *Otechestvennaya istoriya*. 1995. №3, pp. 158–166.
 12. Redel' A. I. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2000. № 12, pp. 109–118.
 13. Repina L.P. *Sovremennoye rossiyskoye studenchestvo: istoricheskaya pamyat' o Velikoy Otechestvennoy voyne i formirovaniye patriotizma i grazhdanstvennosti* [Modern Russian students: the historical memory of the Great Patriotic War and the formation of patriotism and citizenship] / Yu. R. Vishnevsky (ed.). Ekaterinburg: UrFU, 2011, pp. 375–386.
 14. Rittser Dzh. *Sovremennyye sotsiologicheskiye teorii* [Modern sociological theory]. SPb.: Piter, 2002. 688 p.
 15. *Rossiyskaya mental'nost' i vyzovy vremeni* [The Russian mentality and challenges of the times]. <http://liberal.ru/articles/5658>
 16. *Sotsiologicheskiy slovar'* [Sociological Dictionary] / G.V. Osipov (ed.). M.: Norma: INFRA-M, 2014. 608 p.
 17. *Tolkovyy slovar' S.I. Ozhegova* [Explanatory Dictionary of the S.I. Ozhegova]. <http://enc-dic.com/ozhegov/Mentalitet-15488.html>

18. Toshchenko Zh.T. *Novaya i noveyshaya istoriya*. 2000. № 4, pp. 3–14.
19. Trofimov V.K. *Mentalitet russkoy natsii* [The mentality of the Russian nation]. Izhevsk, 2004. 271 p.
20. Shafikov S.G. *Teoriya semanticheskogo polya i komponentnoy semantiki ego edinits* [The theory of semantic fields and semantics of its component units] / L.M. Vasil'ev (ed.). Ufa, 1999. 88 p.
21. Shimina M.A. *Sovremennoe rossiyskoe studenchestvo: istoricheskaya pamyat' o Velikoy Otechestvennoy voyne i formirovanie patriotizma i grazhdanstvennosti* [Modern Russian students: the historical memory of the Great Patriotic War and the formation of patriotism and citizenship] / Yu. R. Vishnevsky (ed.). Ekaterinburg: UrFU, 2011, pp. 490–495.
22. Shumikhina L.A. *Polignozis*. 1999. №4, pp. 117–131.
23. Yadov V.A. *Sotsiologiya v Rossii* [Sociology in Russia]. M., 1998. 696 p.
24. Yung K.G. *Arkhetip i simvol* [The archetype and symbol]. M., 1991, pp. 97–128.
25. Bourdieu P. *La Distinction: critique sociale du jugement* / P. Bourdieu. Paris: Minuit, 1980. 287 p.
26. Halbwachs M. *La memoire collective* / M. Halbwachs. Paris: Michel, 1997. 295 p.

ДАНИЕ ОБ АВТОРЕ

Кулиш Виталий Валерьевич, доцент кафедры социологии, политологии и экономики, кандидат социологических наук
Алтайский государственный педагогический университет
ул. Молодежная, 55, г. Барнаул, Алтайский край, 656063, Российская Федерация
vitalii.kulish@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Kulish Vitalii Valeriyevich, Docent of the Chair of Sociology, Politology and Economics, Ph. D of Sociology
Altai State Pedagogical University
55, Molodyozhnaya Str., Barnaul, Altai Krai, 656031, Russian Federation
vitalii.kulish@mail.ru